

К 1150-ЛЕТИЮ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Владимир Соловьев

доктор исторических наук, профессор

РУССКИЕ НА ЧУЖБИНЕ X–XX ВЕКА

Неизвестные страницы истории
жизни русских людей за пределами Отечества

КНИГА
ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Владимир Соловьев

**Русские на чужбине.
Неизвестные страницы истории
жизни русских людей за
пределами Отечества X–XX вв.**

«Центрполиграф»

2011

Соловьев В. М.

Русские на чужбине. Неизвестные страницы истории
жизни русских людей за пределами Отечества X–XX вв. /
В. М. Соловьев — «Центрполиграф», 2011

Почему Константинополь препятствовал возникновению русского поселения купцов? Почему королева Франции Анна Ярославна подписывала документы кириллицей? Почему боязнь заграницы, привычка ругать и осуждать все иноземное уживались на Руси со стойким интересом к заморским государствам? Почему Франция в XIX веке приняла наиболее заманчивый собирательный образ зарубежья, где найдется место всякому русскому человеку? Почему Константинополь-Стамбул стал перекрестком культур? Доктор исторических наук и профессор Владимир Соловьев откроет вам неизвестные страницы истории русского присутствия за рубежом. Книга будет интересна всем – от мала до велика.

© Соловьев В. М., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Предисловие	5
В чужие земли	8
Купцы-русы	8
Почетная гостья	11
Анна Рбина	13
С пальмовой ветвью	14
Святая гора	16
Из Новгорода в Любек	18
Побег запрещается	20
Небылицы про границу	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Михайлович Соловьев

Русские на чужбине. Незвестные страницы истории жизни русских людей за пределами Отечества X–XX вв

Предисловие

История эмиграции в России насчитывает не одно столетие, и с какого времени она берет начало, наука пока не дала ответ. В отличие от послеоктябрьского исхода из страны предшествующие этапы русского рассеяния по миру мало освещены в литературе, далеко не все факты известны, да и уже имеющаяся информация до сих пор толком не собрана и не обобщена.

Сейчас заявило о себе целое направление в отечественной историографии, условно названное эмигрантоведением, наметились обнадеживающие тенденции, обещающие, что тема «Русские в зарубежье», в том числе и ее обращенная в прошлое ретроспективная составляющая, получит всестороннее изучение. И эту предлагаемую вниманию читателя книгу автор рассматривает как посильный предварительный взнос в разработку начальной истории русских на чужбине.

В том, что иметь в виду под историей русских в зарубежье и как толковать укоренившееся понятие «русское зарубежье», среди ученых нет единодушия.

До недавнего времени периодизацию истории русского зарубежья начинали с 1917 года и традиционно увязывали с тремя волнами эмиграции.

Отдельными историками высказывались мнения, что феномен русского зарубежья возник гораздо раньше, одновременно с эмиграцией, причем даже наметилась тенденция сдвигать хронологическую границу этого явления все ниже и ниже, вплоть до эпохи Киевской Руси.

Существующие в современной науке расхождения не исключают каких-то общих позиций. Так, все сходятся в том, что эмиграция – это вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам. Не вызывает несогласия и распространение этого термина на пребывание за рубежом после такого переселения, а также употребление слова в собирательном смысле, когда под эмиграцией подразумеваются покинувшие родину и нашедшие пристанище за границей лица.

Но вот далее консенсус заканчивается и начинаются несовпадения взглядов и полемика.

Один из тезисов, восходящих еще к советской историографии, сводится к тому, что до начала XX века в России не существовало права на эмиграцию. Оно было даровано только царским манифестом в 1905 году.

Однако отсутствие этого права вовсе не означало отсутствие самого явления. Пусть не было официальной эмиграции, зато существовала неофициальная, и за рубежом проживали представители различных слоев и прослоек русского общества.

Достаточно представительный ряд историков (В.Я. Гросул, Е.И. Пивовар, А.В. Квакин и др.) считают, что послеоктябрьскому русскому зарубежью по крайней мере уже в течение ста лет предшествовало дооктябрьское.

Под русским зарубежьем принято понимать постоянные колонии выходцев из России – их кружки, организации, салоны, землячества, духовные миссии Русской церкви за рубежом, устойчивые объединения студентов и стажеров в заграничных университетах и институтах, творческие сообщества и союзы писателей, художников, актеров, ученых, то есть целый рус-

ский мир, тесно связанный со странами пребывания, но живущий своей особой, самостоятельной жизнью, и, в отличие от послеоктябрьского зарубежья, не порывавший связи с родиной.

Эмиграция и русское зарубежье – явления, конечно, близкие, сопряженные, тесно связанные между собой, но это не одно и то же.

По разумению автора, было бы неоправданно приравнять как эмиграцию вообще, так и всякое представительное и длительное пребывание наших соотечественников в других странах к понятию «русское зарубежье», однако условное использование самого этого термина для удобства обозначения в научно-популярной книге он считает допустимым и применительно к географическим точкам и ареалам с компактными группами выходцев из России вообще.

Сегодня было бы преждевременно останавливаться на какой-то определенной нижней границе, которая послужила бы условной хронологической отметкой, отмеряющей и знаменующей начало устойчивого пребывания русских за рубежом. Тем не менее уже сейчас наука располагает убедительными фактами, подтверждающими такое стабильное, длительное или даже постоянное присутствие. Это относится, например, к монастырской братии на Афоне, к иностранным подворьям Русской православной церкви, к торговым дворам новгородцев в ганзейских городах.

Опрометчиво безоговорочно относить названные объекты к изначальным точкам отсчета истории русских зарубежных поселений и расценивать их не как зачаточно-эфемерные, а как сколько-нибудь системные образования, располагающие ресурсами реального влияния. Ни для XIII, ни даже для XIV–XV столетий подобное утверждение не будет корректным по той простой причине, что представляет собой типичный анахронизм, то есть не нечто спорное, а серьезную ошибку против хронологии, выражающуюся в отнесении фактов и явлений одного порядка и строго конкретного времени к другой эпохе.

Однако нет сомнения, что оазисы русского мира как отдельные пункты притяжения и поселения соотечественников действительно имели место в иноязычном окружении гораздо раньше, чем это принято считать, и играли своеобразную роль как бы русского предзарубежья. Здесь важно вовсе не установить рекордно низкую планку хронологического предела и искусственно состарить русскую эмиграцию как явление. Речь о другом, а именно о давней, берущей начало еще в Древней Руси тенденции делегировать за границу своих представителей, создавать землячества, вступать в диалог с иноязычной средой, осуществлять межкультурную коммуникацию, вписываться в мировое духовно-культурное пространство. Объективное, без гиперболизации и преувеличений из добрых и искренних патриотических побуждений, изучение того, когда, где и как это происходило и складывалось, приоткроет неизвестные пока страницы истории русского присутствия за рубежом, поможет выделить его новые этапы и линии преемственности.

Авторитетный исследователь Г.Я.Тарле принадлежит к группе ученых, которые, подчеркивая, что за границей наряду с собственно русскими длительное время или же постоянно жили и другие уроженцы многонациональной России, предпочитают оперировать термином «российское зарубежье». Это понятие она толкует расширительно, не замыкая на людях, и применяет к сфере материальной культуры, интеллектуальных достижений, произведений искусства выходцев из России. По мнению Г.Я. Тарле, художественные ценности, научные открытия, созданные нашими соотечественниками за границей или вывезенные туда, тоже относятся к российскому зарубежью, но не перестают оставаться и частью национальной культуры.

Не вдаваясь в суть полемики по поводу принципов периодизации и дефиниций, связанных с историей пребывания за пределами России представителей разных ее этносов, важно отметить, что термин «русское зарубежье» не исключает «российское» и наоборот. Они взаимно дополняют друг друга и, введенные в научный оборот, циркулируют на равных.

Поскольку за границей под русскими уже давно имеют в виду всех, кто приехал из России, автор настоящей книги, не мудрствуя лукаво, там, где по контексту видно, что русские – понятие собирательное и полиэтническое, особо это не оговаривает.

В чужие земли

Купцы-русы

О первых компактных поселениях вне освоенной и обжитой территории еще не русских, а их предшественников русов упоминают и летописи (хроники), и письменные договоры и соглашения, и другие исторические источники, в которых нет недостатка. Русы, или русичи, – собирательное название восточнославянских племен. Князья русов Олег и Игорь в X веке установили активные политические и экономические отношения с Византийской империей – сильной и богатой державой того времени. Торговля русов с греками (византийцами) была оживленной и налаженной. Уцелели дипломатические акты, показывающие, как, в каких масштабах и объемах была организована эта торговля, каковы были условия пребывания купцов-русов в столице империи Константинополе, или (на славянский лад) Царьграде.

Из восточнославянских земель от берегов Балтики по рекам Неве, Волхову, Днепру и через Черное море до пролива Босфор курсировали целые торговые караваны из нескольких

кораблей. Этот древний водный путь общей протяженностью 2200 километров заканчивался в Царь-граде. На севере он проходил через Новгород, на юге – через Киев, связывая города Ладогу, Старую Руссу, Смоленск, Любеч и другие. Торговые суда периодически плавали туда и обратно. Им приходилось преодолевать множество трудностей и опасностей. Одной из них были разбойные нападения воинственных племен хазар и печенегов, живших в степях и занимавшихся пиратским промыслом. Для защиты от них славянская флотилия обычно пускалась в дальнюю дорогу в сопровождении отряда хорошо вооруженных воинов.

Русы не только торговали, но и воевали с Византией. Бывало, что торговые льготы и привилегии, которые они получали от византийских императоров, были результатом вооруженных походов. Не раз Константинополь оказывался в осаде кораблей и дружин русов, и греки, чтобы снять угрозу, вступали в переговоры и откупались от пришельцев с севера богатой данью и предоставлением права их купцам с большой выгодой вести в Византии торговлю. Временами отношения между Царьградом и Киевом складывались очень напряженные, но обе стороны стремились к мирному разрешению конфликтов и осложнений. В заключенных договорах как декларация о намерениях обязательно подчеркивалось, «в какой любви живут греки с русью». Под русью в Византии постепенно стали понимать не только русов, но и их землю. Так появилось название восточно-славянского государства – Русь.

Экономические интересы и изрядный торговый оборот требовали длительного присутствия в Константинополе негоциантов из Руси. Но византийские власти не разрешали русским купцам жить в городе дольше шести месяцев. Послы великого князя киевского неоднократно ставили вопрос об увеличении срока пребывания соотечественников в Царьграде, но неизменно получали отказ. Между тем у русских деловых людей была настоятельная потребность если не натурализоваться и пустить корни в Византии, то хотя бы иметь там долгосрочное представительство не в лице греков-посредников, а своих земляков, постоянно проживающих в Константинополе. Однако византийская сторона на это не шла. Русские купцы были даже лишены возможности перезимовать в Царьграде и с наступлением осени должны были обязательно пускаться в обратный путь. Правда, в качестве компенсации за неудобство гости из далекой северной страны в течение разрешенного полугодия получали право на беспошлинную торговлю. Они содержались за счет византийской казны, бесплатно пользовались правительственными банями, ежемесячно снабжались хлебом, вином, мясом, рыбой и фруктами, – в общем, жили на всем готовом и не тратились. Мало того, когда приходило время пускаться в обратный путь, греки обеспечивали их и продовольствием, и судовой снастью (якоря, канаты, паруса и т. п.). Когда по весне торговый караван из русских земель отправлялся на юг, к Босфору, Константинополь заранее строго оговаривал и количество кораблей, и число пребывающих купцов. Непременным пунктом свободного допуска в византийскую столицу была сопроводительная грамота киевского князя с полной информацией о составе русичей с указанием их имен и статуса. Принималось во внимание, откуда они, из какого княжества, города и т. д. Если из стольного Киева, им оказывали прием по одному чину, тех, кто был из Новгорода, Чернигова, Переяславля, встречали уже иначе, предоставляя более скромное содержание.

Почему же Константинополь препятствовал возникновению русского поселения наподобие тех колоний иностранного купечества, которые в те времена были, например, в Киеве? Есть два резона. На первом месте были, конечно, меры безопасности. Под видом негоциантов в европейские города нередко проникали пираты. Чтобы не допустить такой инсценировки, русских купцов пускали в столицу Византии только через одни ворота и партиями не более 50 человек. При этом все подвергались тщательному досмотру. Обнаруженное оружие изымалось, и далее в город русичи входили без всяких средств защиты и самообороны, но зато в сопровождении специального императорского чиновника.

Ограничение времени пребывания русского купечества в Царьграде полугодом было вызвано также чисто коммерческими причинами. Греки не хотели упускать крупную выгоду,

которую они извлекали из торговли с Русью. Ведущую роль они оставляли за собой, а своих восточнославянских партнеров ставили в те условия, которые в первую очередь отвечали интересам греческой стороны.

Впрочем, для княжеских послов исключения тоже не делалось. На них распространялись те же правила, тот же календарный график, что и на купцов, и приезжали и уезжали те и другие вместе на одном и том же торговом караване.

Отчего византийское правительство не шло на то, чтобы русские послы были представлены при императорском дворе на постоянной основе, сказать трудно. Вероятно, виной тому хитрость, коварство и вероломство, которые молва приписывала вообще всем славянам. От них ждали каверз и неприятностей, и греки во избежание какого-либо злого умысла и подвоха предпочитали до поры до времени держать русичей на расстоянии и под контролем.

Если в Византии осесть не удавалось, то на Волге, по которой проходил торговый путь на Восток, были два стабильных поселения торговцев из Руси: одно в Булгаре – столице Волжско-Камской Булгарии, другое в Итиле – главном городе Хазарского ханства или каганата. И там и там сложились своеобразные колонии славянского купечества, и видное место в них занимали торговые люди из Руси. В Булгаре и Итиле у них была возможность и жить сколько придется и заагортассудитса вместе с семьями, и вести дела, и размещать товары.

Настоящий русский оазис был искусственно создан на Балканах в третьей четверти X века в княжение Святослава. Своими военными походами он стяжал славу Александра Македонского. Близ устья Дуная и почти у побережья Черного моря русский князь, потеснив болгар, занял их город Малую Преславу, переименовал его в Переяславец и объявил своей новой столицей вместо Киева. Князь рассматривал Переяславец как ключ к Черному морю и важный военно-торговый форпост. Святославу нравилось жить в низовьях Дуная, где почти всегда тепло и всяких благ и добра много. Почва здесь была плодородной, природа – щедрой, лето – длинным и жарким, а зима – теплой и короткой. Отсюда и до Византии было рукой подать, и Святослав собирался непременно помериться с ней силами. «Не любо мне в Киеве, – говорил он матери, княгине Ольге, – хочу жить в Переяславце».

Амбициозный проект Святослава вполне вписывается в самую раннюю предысторию русского зарубежья. Фактически далеко за пределами Киевского государства он заложил основы для создания русской диаспоры на Балканах. Согласно планам князя после военного этапа должен был последовать мирный: колонизация этой территории, переселение туда из Руси крестьян, ремесленников, торговцев, что экономически закрепило бы русское присутствие на новых землях.

Однако греки не желали мириться с близким соседством киевского князя, и он с дружиной, оторванный от родной земли, после не увенчавшихся успехом боевых действий вынужден был вернуться на Русь, но по дороге погиб от рук печенегов. О том, чтобы печенежское войско встретило небольшой русский отряд во главе с князем, позаботились византийцы. Они подкупили жадного до денег печенежского хана, и тот, пользуясь малочисленностью воинов Святослава, напал на них и почти всех перебил.

Почетная гостья

Осенью 957 года большое заграничное путешествие совершила княгиня Ольга. За двадцать лет до этого она овдовела – ее муж князь Игорь был убит во время похода за данью. Ей пришлось взять на себя регентство при подрастающем сыне Святославе и фактически стать правительницей Руси.

Ольга первой из княжеской династии решила принять христианство. С этой целью она отправилась в православный Царьград. Конечно, княгиня могла бы креститься и в Киеве, но, по-видимому, камерный формат обряда ее никак не устраивал – ей надо было привлечь внимание к своему шагу на международном уровне, показать, что языческая Русь вступает на качественно новый этап своего развития.

В Византии намерение Ольги нашло полное понимание и поддержку, так как это отвечало политическим интересам империи, предоставляло возможность в нужном направлении оказывать влияние на Русь, тем более что сфера церковных контактов на почве общей веры давно стала для Константинополя привычным полем, на котором он добивался подчас больше, чем с помощью официальной дипломатии или военных действий.

Есть вероятность, что Ольгу принимали в Царь-граде не по высшему чину, но, безусловно, в ее случае придворный церемониал был соблюден, протокол, предусмотренный при визите высоких иностранных гостей, выдержан, подобающие почести и знаки внимания оказаны и возданы. Достаточно сказать, что обряд крещения осуществляли лично сын и соправитель императора Константина Багрянородного Роман II и патриарх Полиевкт, а сам Константин согласился быть Ольге крестным отцом.

Сведения о пребывании русской княгини в Византии отчасти носят полулегендарный характер, но то, что она там побывала и вернулась на Русь христианкой, приняв в крещении имя Елена, сомнению не подлежит, ибо подтверждено многими, не зависящими друг от друга источниками.

Гораздо меньше доверия вызывает информация о том, что разумом и красотой Ольга будто бы произвела на императора Константина столь сильное впечатление, что вскружила ему голову, и он отпустил ей довольно недвусмысленный комплимент: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Если это было не завуалированное предложение руки и сердца, то признанием в чувствах, которыми он к ней воспылал.

Больше того, после крещения «призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это, – ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары, золото и серебро... и отпустил ее, назвав своей дочерью».

Все эти подробности приведены в известном историческом памятнике «Повести временных лет» – «Повести о прошедших временах» – сборнике летописей, то есть хроник событий по годам (летам), составленном в XII веке.

Возможно, летописцы (хронисты) что-то присочинили, что-то приукрасили. Ведь получается, что, приняв предложение Константина, она вполне могла остаться в Царьграде. Но в каком, спрашивается, качестве? Ведь император Константин уже давно был женат, и Ольга это прекрасно знала, поскольку близко познакомилась и много общалась с его супругой императрицей Еленой. Допустить же, что крестный отец собирался скомпрометировать себя и пойти на брачную неверность с крестной дочерью, которая, кстати, была едва ли не старше его самого, было бы явной натяжкой. Да и Ольга при ее гордом нраве и независимости никогда не смирилась бы с неблагоприятной ролью, которая ей выпадала, и не вступила бы в любовную связь с византийским императором при его живой жене.

В данном случае летописцы невольно перестарались. Желая подчеркнуть, что Ольга была достойна не только княжить, но и царствовать, они, как можно предполагать, наложили на подлинные факты вымышленные и придумали правдоподобную и романтически окрашенную историю об особом отношении византийского императора к русской княгине.

Анна Ръина

Великий князь киевский Ярослав Мудрый добился широкого международного признания Древней Руси и успешно укреплял авторитет своего государства с помощью такого надежного и испытанного средства, как династические браки. Сам он был женат на дочери шведского короля, сестра Ярослава при посредничестве брата стала супругой польского князя Казимира, старший сын киевского правителя Всеволод взял в жены дочь византийского императора, а двое других – Вячеслав и Святослав – немецких принцесс.

В не менее престижные брачные союзы вступили и дочери Ярослава Мудрого. Одна вышла замуж за норвежского принца Гарольда, вторая – за венгерского короля Андрея I, а третья, любимица отца Анна, – за французского короля Генриха I.

Поскольку сыновья, получив в наследственное владение свой удел, оставались на родине, особый интерес в связи с ранней предысторией русского зарубежья представляют дочери Ярослава. Ведь они в качестве тогдашних первых леди оказались при блестящих европейских дворах. По этим женщинам иностранцы судили о русских и о Руси.

На примере Анны Ярославны видно, что она не посрамила ни свою державу, ни отцовской чести.

Она была не только хороша собой, но и получила достойное образование, владела греческим и латынью, слыла рассудительной, обладала завидным вкусом, умело выбирала себе наряды.

О том, что это действительно так, а не иначе, свидетельствует слава о прелестях и совершенствах принцессы Анны, которая дошла до овдовевшего французского короля Генриха I. Монарх выслал в Киев посольство с миссией просить руки Анны Ярославны и получил согласие.

В 1051 году русская принцесса и будущая королева Франции начала длительное путешествие из Восточной Европы в Западную. Она ехала к Генриху не налегке, а с богатым приданным и в сопровождении большой свиты: дружины, представителей духовенства, слуг. Сведений о них нет, но часть из них, вероятно, осталась вместе с Анной при французском дворе и со временем ассимилировалась. Их дети не сохранили русские имена, и если и фигурируют в древних документах, то уже не как русские.

Путь Ярославны лежал через Краков, Прагу, Регенсбург до Реймса – города, где традиционно короновались все французские короли. Здесь принесла положенную присягу на Библии и Анна. По преданию, она по ее настоянию выполнила ритуальный обряд на священной книге, написанной не на латыни, а по-старославянски.

О том, что у Анны был характер и она участвовала в государственных делах и заставляла супруга считаться с собой, подтверждают уцелевшие акты с ее подписью кириллицей (славянскими буквами) «Анна Ръина» – «Королева Анна» рядом с автографом Генриха.

У королевской четы было четверо сыновей. После смерти мужа Анна в годы малолетства наследника престола Филиппа фактически выполняла функции регентши.

Известна романтическая история любви овдовевшей Анны и французского графа Рауля Валуа. Влюбленный аристократ во время охоты похитил даму сердца с ее согласия и привез в свой замок. В этом не было бы ничего предосудительного (заслуживающего порицания), если бы предварительно граф не выгнал свою законную жену и не заключил с Анной тайный брак, став двоеженцем.

Позднее все утряслось и закончилось благополучно, но приведенный факт говорит сам за себя: Анна настолько натурализовалась во Франции, что уже вела себя как француженка. Вряд ли на Руси она позволила бы себе такую свободу нравов.

С пальмовой ветвью

В XI–XII веках на Руси был обычай отправляться на богомолье ко святым местам в дальние страны. Помимо Византии, странники устремлялись в Палестину. Их стали называть паломниками – от слова «пальма», поскольку из Иерусалима в знак того, что там побывали, они возвращались с пальмовой ветвью.

Паломник. И.Е. Репин.

Государственная Третьяковская галерея, Москва

В 1104–1107 годах совершил паломничество в Палестину игумен одного из черниговских (Киевская земля) монастырей Даниил. Он оставил описание своего путешествия под названием «Жития и хождения Даниила, Русской земли игумена».

В Палестине паломник провел 16 месяцев. Его сочинение, конечно, носит прежде всего церковный характер, но от других поучений и назидательно-христианских повестей отличается наблюдательностью и любознательностью. Автора интересуют не только святы места, но и архитектура, военно-инженерные фортификации, природа и хозяйственная жизнь страны. Он уделяет внимание обычаям Востока, земледелию, скотоводству, садово-огородным культурам, рыбному промыслу, памятным встречам и разговорам с разными людьми по пути следования. География его маршрутов включает Царьград, город Эфес, острова Патм и Кипр, Иерусалим, Гефсиманию, Вифлеем, Иерихон.

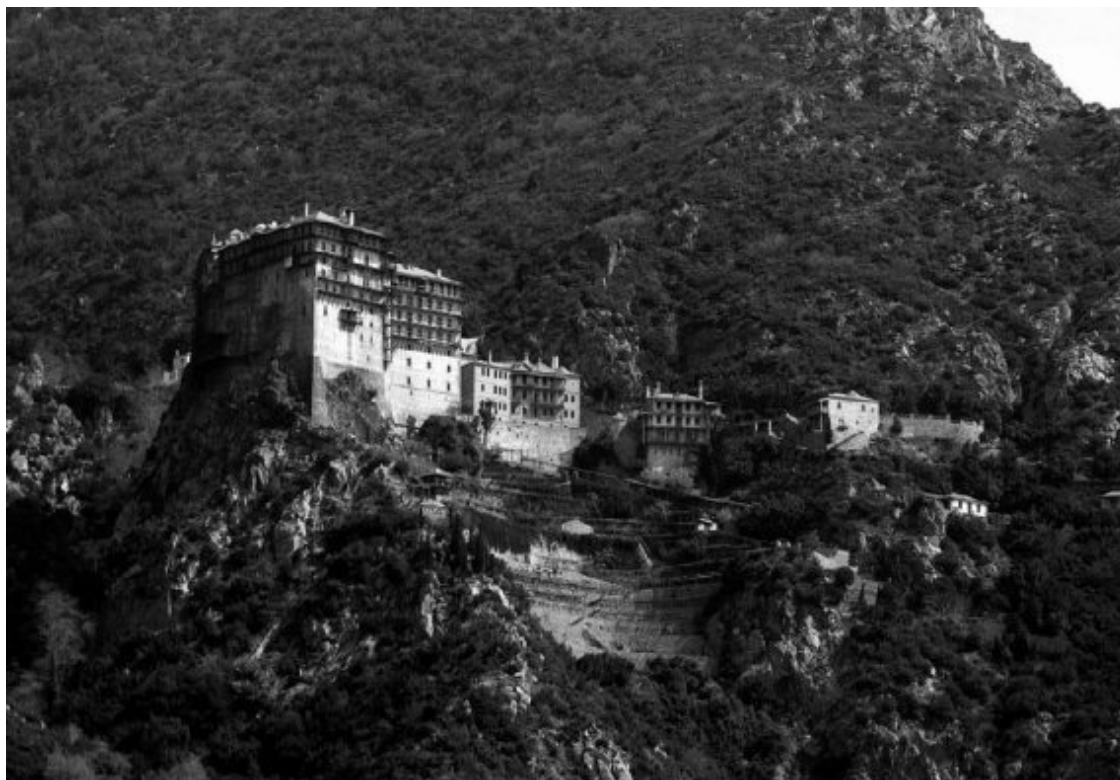
Даниил – искусный рассказчик, благодаря чему его повествование служило русским паломникам в Святую землю своеобразным путеводителем.

Из аналогичных сочинений более позднего времени достаточно для примера назвать «Прения» и «Проскинитарий, или Поклонник» келаря Троице-Сергиева монастыря Арсения Суханова (в миру Антона), который с 1649 по 1654 год совершил четыре путешествия к христианским святыням на Афон, в Константинополь, на греческие средиземноморские острова, в Египет и Иерусалим. Из паломничества на Святую землю он вывез по поручению патриарха Никона большую модель иерусалимского храма Гроба Господня, послужившую позднее наглядным образцом при возведении храма Воскресения Христова в Новом Иерусалиме под Москвой.

Святая гора

После Крещения (988) при князе Владимире Русь активно развивает и укрепляет связи с христианским миром и прежде всего – с Византией как оплотом православия. Паломничество в греческие обители, поклонение святыням постепенно входит в обычай. В начале XI века русские появляются на Афоне – Святой горе, и далее их присутствие там становится постоянным.

Первый русский монастырь возник на Святой горе в 1080 году. Со временем Афон, как и Царь-град, стал крупнейшим центром, очагом православной культуры. О том, сколь велико было русское землячество, известно очень мало. Монашеское братство на Афоне пополнялось и греками, и православным славянством. Какова была доля русских, установить сегодня сложно. Ясно, что их число в зависимости от текущих исторических событий не было постоянным и варьировалось. Приток новых монахов временами надолго замирал. Так было, например, в период 4-го Крестового похода, когда в 1204 году Византию завоевали крестоносцы. Значительный перерыв в связях между Русью и Афоном приходится на XIII век. Нашествие в 1237–1238 и 1240–1241 годах монголов во главе с ханом Батыем разорило Русь, нарушило привычное течение жизни. Русские монахи на Афоне оказались тогда надолго отрезанными от родины, изолированными и проживали на Святой горе фактически пожизненно. Позже контакты возобновились.

Монастырь Симонопетра на Афоне

После того как турки в 1453 году сожгли и разграбили Константинополь и некогда сильная Византия пала, уцелевший от погромов Афон играет особую роль в православном мире. Эту священную землю берет под свое покровительство и защиту новое государство, появившееся на политической карте Европы на рубеже XIV–XV столетий, Россия, или Московия. Россия – наследница прежней Руси, но превосходит ее и территорией, и могуществом.

Русские монахи после захвата Византии турками не покинули Афон. Они оставались там и продолжали заниматься привычным делом: составляли копии с божественных книг, произведений знаменитых византийских риторов и богословов, переводили их на русский язык, сличали русские тексты с греческими оригиналами, делали списки с икон.

В монастырях Афона шло и приобщение греков и других православных к русской книжности, фольклору, искусству. Переводы с русского на греческий и южнославянские языки были в порядке вещей. Многие русские монахи, выполняя свою работу, безвыездно жили на Святой горе по несколько десятилетий, а иные доживали свой век до глубокой старости и так и умирали на Афоне.

Из Новгорода в Любек

В конце XII века русские купцы подолгу жили и беспошлинно торговали во многих северонемецких городах. Сам германский император Фридрих Барбаросса в специальной грамоте подтвердил это право.

А в XIV столетии сложился торговый и политический Ганзейский (Ганза) союз, в который входили до 100 городов. Наиболее крупными из них были Любек (главный центр, как бы столица Ганзы), Росток, Висмар, Штральзунд, Ревель (Таллин), Дерпт (Тарту), Рига и русский Великий Новгород.

Новгородцы с товарами постоянно ездили в города Германии и Лифляндии, или Ливонии (Северной Латвии и Южной Эстонии), и размещались там на русских торговых дворах. Они вывозили на Запад меха, воск и кожи. Особым спросом пользовалась пушнина – шкурки белки, бобра, соболя, горностая, хорька, ласки, куницы, норки, выдры.

Воск продавали большими кругами весом от 80 до 160 килограммов. Ходовым экспортным товаром были лосиные, коровьи и лошадиные кожи. При высоком качестве они отличались дешевизной, чем привлекали оптовых покупателей.

При хорошем торговом обороте новгородские купцы были заинтересованы в том, чтобы постоянно находиться в ганзейских городах. И фактически там образовалось оседлое русское поселение. Предприимчивые новгородцы освоили чужие обычаи, стали бойко объясняться по-немецки и на Русь наведывались лишь изредка, поскольку ездить за товарами им самим необходимости не было. Для этого они нанимали бывалых и привычных к дальней дороге торговых людей и надежную вооруженную охрану.

Побег запрещается

С какого времени стремление покинуть родину и, спасая жизнь, найти приют и убежище за рубежом стало осуждаться в народе? Пожалуй, пошло это со Святополка, прозванного Окаянным и под таким именем вошедшего в историю, взявшего на душу большой грех. Чтобы прийти к власти в Киеве, он расправился со своими братьями Борисом и Глебом, а когда другой брат Ярослав (позднее он получит прозвище Мудрый) одержал над ним победу, сбежал в Польшу к королю Болеславу, приходившемуся ему тестем.

Летом 1017 года Святополк привел на родную землю сильное польское войско, разбил дружины Ярослава и занял Киев. Позднее Ярослав одержал верх над Святополком и вернул себе столицу. Справедливость восторжествовала, но в памяти народной злодейское братоубийство и побег за границу с целью добиться там помощи для осуществления на Руси своих неблаговидных замыслов отложились в памяти народной как равно низкие и гнусные деяния.

Бегство Святополка. Б. Чориков

Недружелюбие и отрицательное отношение к желающим покинуть родное отечество и скрыться за границей прослеживаются и во времена Московской Руси. Причем уважительные причины побега не служат его оправданием. Скажем, у молодого князя верейского (Верея – город неподалеку от Москвы) Василия были все основания в знак протеста против ущемления его наследственных прав великим князем московским Иваном III бежать в 1483 году в Литву. Но поскольку Иван III незадолго перед этим силой заставил князей верейских стать своими вассалами, поступок князя Василия был расценен центральной властью и подан народу как измена.

Точно так же, когда тверской князь Михаил бежал в Литву, побежденный своим соперником Иваном III, его решение не находит понимания в глазах соотечественников и даже, напротив, порицается, ибо, ища убежища не в православной, а в католической стране, он предает свой народ и свою веру, тогда как, вручив себя добровольно победителю Ивану московскому, он выказал бы не слабость, а силу.

Случалось, что знатные русские люди оказывались в Литве против воли, как это было, например, еще в конце XIV века с молодым московским князем Василием Дмитриевичем. Он попал в литовский плен и, понуждаемый великим князем Витовтом, женился на его дочери – иначе не видать бы ему освобождения.

По-видимому, практика ускользать за границу, увозя с собой немалые пожитки, не была единичной. Родовитая русская аристократия, видя угрозу своей былой независимости, предпочитала ехать в чужие земли – лишь бы не покоряться московской власти. Конечно, московские князья не хотели с этим мириться, потому что усматривали в таком бегстве дерзкий и демонстративный вызов. Желая отбить охоту покидать Россию, они ввели за побег в Литву (именно туда, как правило, держало путь большинство бежавших) смертную казнь, а самым мягким наказанием за такое своеволие было заключение в темницу.

Небылицы про заграницу

боязнь заграницы, привычка ругать и осуждать все иностранное, иноземное уживались на Руси со стойким интересом к заморским государствам, тягой побольше узнать, как живется там, на чужбине.

В былинах и преданиях про чужедальнюю сторону содержится много нелепого, ложного, пристрастного. Но не меньше встречается и сказочного, связанного с наивной верой в то, что где-то все-таки можно найти правду и справедливость и жить-поживать да добра наживать.

Почти во всякой фольклорной истории есть место чудесам, но чудеса эти обычно случаются за тридевять земель, в некотором царстве, некотором государстве, то есть в зарубежье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.